

Из воспоминаний Николая Щербакова¹

СЛОВО НАСЛЕДНИКАМ

Наша семья (мои родители Щербаков Николай Иванович, Чукова Мария Максимовна и я) жила в одной коммунальной квартире с дедушкой Иваном Федоровичем, бабушкой Александрой Николаевной и их дочерью (младшей папиной сестрой) Ольгой Ивановной в доме, принадлежавшем до революции родителям Александры Николаевны. Мой отец, Щербаков Николай Иванович, с началом войны был мобилизован и направлен в город Горький (Нижний Новгород) на завод, выпускавший минометы. После войны и до выхода на пенсию работал ведущим инженером-конструктором во ВНИИЭМ, разработки которого были связаны с оборудованием для космической отрасли. Дедушка Щербаков Иван Федорович работал старшим агрономом в Министерстве сельского хозяйства СССР. Ольга Ивановна работала в медицинском управлении Министерства обороны. Моя мама и бабушка Александра Николаевна занимались домашним хозяйством. В мое типично советское детство практически никаких разговоров о дореволюционном прошлом я не слышала, хотя знала, что папа родился в Таре. В комнате у дедушки с бабушкой висел портрет человека монголоидного вида, про которого говорили, что он наш предок, почетный гражданин города Тары, но мне это ни о чем не говорило. Просто я любила своего дедушку Ивана Федоровича. Он был

---

¹ Род Щербаковых был известен в Таре. Видные купцы и общественные деятели, Щербаковы внесли большой вклад в развитие Тары, занимались торговлей, благотворительностью, заложили городской сад. Среди них: купцы Иван Ефимович, Фёдор Иванович, учёный агроном Иван Фёдорович Щербаковы и другие.

необыкновенно интеллигентным, добрым, но очень молчаливым человеком. Когда я бывала с ним, он только гладил меня по руке и в последний год своей жизни постоянно говорил о желании поехать со мной в Тару. Когда я была уже достаточно взрослой, услышала рассказы отца о жизни семьи Щербаковых в Таре и о работе и общественной деятельности там Ивана Федоровича. В 1982 году, работая в Российском Научном Центре Хирургии, я была в Омске на съезде хирургов. От местных коллег узнала, что в Таре есть Щербаковский сад, Щербаковская улица, но программа съезда была крайне насыщенной, а дорога в Тару, как мне сказали, долгая и неудобная. В общем, поездка в Тару не случилась. Дома я рассказала об этом отцу. Мой рассказ, наверное, пробудил его воспоминания о своем детстве. Он стал записывать свои воспоминания. К счастью, ему удалось сохранить довольно много фотографий, многие из которых он подписал. Папа стал часто рассказывать истории из своего тарского детства, особенно о ночном бегстве из Тары в деревню, где было много вооруженных людей и отец на коне с оружием в руках, что в глазах шестилетнего ребенка делало его героем-партизаном, ведь в дальнейшем в Москве у папы было типичное советское детство. Папа умер в 2000 году. А в 2014 году мой сын, Щербаков Игорь Леонидович, готовясь к проведению своего юбилея, стал просматривать свои и наши общие старые фотографии и задавать вопросы об изображенных на них людях. Я, как могла, на них отвечала, рассказала ему про свое посещение Омска, и вдруг Игорь предложил нам поехать в Тару. Вначале я даже это не очень-то серьезно восприняла, но сын своей активностью меня заразил. Так как никакого общения с Тарой у нас никогда не было, я начала со звонка в краеведческий музей, представилась, и со мной очень мило поговорили, пообещали заказать гостиницу и встретить. С нами захотела поехать и дочь сына Маша.

Конечно, в нашей поездке было некоторое авантюрное начало и неуверенность в нужности этого мероприятия. Но теплая встреча с жителями Тары в лице сотрудников музея и коллектива историко-краеведческого общества «Тарский уезд» сняла все эти комплексы. Мы были рады нашему общению, нашим поездкам по городу и в село Екатерининское. За эти несколько дней мы узнали много нового про своих родственников, про город, в котором они жили, историю Тары, про поколения тарских предпринимателей, которые много сделали для своего города и России. Очень понравилось посещение библиотеки, где нам показали книги, переданные в свое время семьей Щербаковых. Посетили городской сад, бывший Щербаковский, про который папа в последние годы часто рассказывал. Огромное спасибо всем за подаренные нам книги, которые мы уже все изучили, в результате чего многое стало более понятным и в папиных рассказах.

Посещение Тары во многом изменило мое отношение к моему деду Ивану Федоровичу Щербакову. Если раньше я воспринимала его как очень интеллигентного, доброго, спокойного и любимого человека, то в Таре я поняла, какого большого мужества был этот человек, сумевший с достоинством принять все изменения в своей жизни, и сколько всего было в его душе всю оставшуюся жизнь. И к любви прибавилось огромное уважение и преклонение перед его жизненным мужеством и терпением. Жалею, что мы с ним мало разговаривали, а детям моим не довелось его знать.

Мы все трое очень рады нашему знакомству с вашим и теперь нашим городом, нашему коллективному общению и надеемся, что встреча с нами также дала вам новую информацию о семье Щербаковых и не разочаровала вас в их наследниках. Надеемся на вероятность новых встреч.

Щербакова Галина Николаевна

1. ВСПОМИНАЯ О РОДИНЕ

Родина моя – сибирский город Тара бывшей Тобольской губернии, теперь Омская область, где я родился в 1912 году 24-го февраля. Крещен в приходской церкви и назван Николаем еще за три-четыре месяца до рождения. Родителям хотелось дать будущему ребенку мужского рода имя Николай в честь деда – отца матери и дяди – брата отца – зимник Николая. В те далекие времена дни рождения не справлялись, а только именины. Именины зимнего Николая – 19 декабря.

Отец мой родился в 1882 году и тоже в Таре. Там он работал уездным агрономом после окончания сельскохозяйственной академии им. Тимирязева в Москве. В Москве он женился на средней дочери хозяина дома Николая Ивановича Алексеева (другие сестры Евгения и Александра), у которого семья Щербаковых снимала квартиру на втором этаже. Там же, в Москве, в 1909 году родилась моя старшая сестра Надежда. Сестра Ольга родилась в Сибири в 1916 году. Были еще у меня брат Федя и сестра Валерия, но они умерли в Таре в возрасте до одного года (доктор Щеглов). Федя умер от заворота кишок. Валерия от менингита. Живя в Москве, семья Щербаковых – мой дедушка Федор Иванович, бабушка Надежда Прокопьевна, их старший сын (дядя Коля – Николай Федорович), отец (Иван Федорович) и младшая сестра тетя Таня (Татьяна Федоровна) – дружила с семьей хозяина дома, дедушки Николая Ивановича Алексеева. Ходили часто друг к другу в гости, благо ходить недалеко, сверху вниз и наоборот. Дружба двух семей оказалась счастливой для молодых людей, моих будущих отца и матери, а также дяди Коли и двоюродной сестры и закадычной подруги матери – тети Веры (Веры Сергеевны Кашириной). В один и тот же день они венчались и в одной церкви, после соответствующего подношения попу. Оказывается, венчать родных братьев на даже двоюродных сестрах по церковным законам не разрешалось.

Дом этот, в котором жили Алексеевы и Щербаковы, пережил своих хозяев и квартирантов, и стоит он на углу улицы Чернышевского (б. Покровка) и Белгородского проезда под №21/25. (В нижнем этаже дома размещалась пекарня и магазин под вывеской «Булочная и кондитерская Алексеева Н. И.». Во время Великой Отечественной войны в 1943 году от упавшей недалеко фашистской авиабомбы часть дома – середина его часть – вместе с лестничной клеткой рухнули, жертв по чистой случайности не было. После победы над фашистской Германией дом был восстановлен. Вместо пекарни на первом этаже построили две квартиры. Голландское отопление заменили на центральное.

В Москве отец учился в Высшем Техническом Императорском училище (ныне училище им. Баумана), но был исключен за участие в антиправительственной демонстрации и революционном студенческом движении в 1904–1905 годах, но путь в сельскохозяйственную академию не был заказан, и он ее благополучно окончил.

2. РОДИТЕЛИ И РОДСТВЕННИКИ

Мой дедушка Федор Иванович Щербаков работал акцизным чиновником (по ведомству виноделия?), имел звание потомственного гражданина, видимо, перешедшее к нему от прадеда моего – Ивана Ефимовича, мирового судьи. Дедушка рано умер, не дожив до рождения своего внука, пишущего эти строки. Ему было около 50 лет, когда он скончался. Говорили, что он был чрезвычайно рассеянным. О его рассеянности ходили даже легенды. Помню один эпизод об этом, рассказанный моей бабушкой Марией Васильевной Алексеевой. Однажды мой дед Федор Иванович пришел в гости к Алексеевым, то есть поднялся со второго этажа на третий, одетый в пальто, в шляпе, с зонтиком, в резиновых галошах. А день был ясный, летний, и выходить на улицу надобности не было. На

вопрос, почему он явился в таком наряде, он ответил: «Ах, я опять забыл».

Бабушка Надежда Прокопьевна, которую я тоже в живых не застал, была из богатой семьи екатеринбургских конезаводчиков Подаруевых. Эти люди славились не только своим богатством, но и патриотическими, прогрессивными делами, направленными на благо своего народа и, в первую очередь, своих горожан. По свидетельству московской прессы (статья была в одной из газет в шестидесятых или семидесятых годах – точно не помню), при проведении земляных работ в городе Свердловске была обнаружена сеть деревянного водопровода времен XVII–XVIII веков. Было установлено, что водопровод сооружен при участии и на средства Подаруевых – моих предков.

Про бабушку говорили, что она была добрая, щедрая, любила животных – конечно, лошадей и собак. Сохранилась фотография, где она сидит с собаками – огромным волкодавом и маленькой болонкой. В семью Щербаковых принесла в качестве приданного серебряные кубки – призы за победы на бегах и скачках. На всех кубках, больших и малых, были выгравированы изображения лошадей и даты побед. Внутренности некоторых кубков были позолочены. Выглядели они изумительно красиво. Было также столовое и чайное серебро с вензелями – инициалами бабушки «НП» – Надежда Подаруева. К сожалению, часть фамильного и другого серебра была утрачена еще при жизни родителей. Но небольшая часть серебра столового и чайного, в том числе и фамильного, сохранилась как у племянницы моей (дочери сестры Надежды), так и у меня.

Бабушка и дедушка Щербаковы после смерти похоронены были на Измайловском кладбище в Москве. Теперь этого кладбища нет давно – его снесли, а на его месте теперь обширный сквер со старыми вековыми елями. После свадьбы и смерти родителей отец и мать отправились в свадебное путешествие по странам Европы. Были в Германии,

Франции, Италии. Это те страны, о которых я помню по рассказам матери. Мать прекрасно знала французский язык, немецкий, английский. Отец многое понимал, читал, но так, как мать, разговорной речью не владел.

Вскоре после этого родители мои переехали в Тару.

В то время Тара была маленьким уездным городком, расположенным на левом таежном берегу реки Иртыш. Название город получил от правого притока Иртыша – реки Тары. Город расположился на левом берегу, почти приткнувшись к самой опушке тайги на возвышенном плато. Между городом и рекой низменность, на которой есть и болота, и непроходимые топи, через которую вилась змейкой дорога к пристани. Город, сам по себе, был ничем не примечателен. В нем было не более 300 дворов. Основное занятие жителей – охота, рыболовство, шишкование, широко было развито деревообрабатывающее дело и производство из бересты туесов и другого домашнего скарба. Из смолы хвойных деревьев изготавливалась так называемая серка, которой пользовались все жители, особенно дети. Серка отлично очищала зубы и укрепляла десны. Тара – город с деревянными одно- и двухэтажными домами и деревянными тротуарами. Кирпичных зданий было мало – только единственная церковь, гимназия и несколько купеческих лабазов. Дом моего отца был двухэтажный, верх деревянный, а первый этаж кирпичный. Подобный дом был еще у единственного врача города Щеглова, у священника приходской церкви и самый большой – у градоначальника Балыкова. Места здесь были глухие, таежные. Связь с другими городами (Тобольском и Омском) осуществлялась по Иртышу пароходом только летом, зимой на лошадях. Колесных дорог не было, да и проложить их тогда не было никакой возможности – сплошные болота, топи и непроходимая тайга. По административному делению Тара входила в состав Тобольской губернии. Были случаи захода в город медведей-шатунов и

лосей. Ближе всего к лесу примыкала базарная площадь. Однажды на базарной площади с таким медведем встретилась моя мать, которая вынуждена была укрыться в доме доктора Щеглова, который его и застрелил.

В Тарском уезде сеяли только пшеницу, поэтому достать черный хлеб было проблемой. При доме был большой сад, как часть тайги. В нем росли кедры, ели, сосны, лиственных деревьев немного, в основном березы. В культурной части были проложены дорожки, которые в зимнее время превращались в ледяные для катания на коньках, посещались многими любителями конькобежного спорта. В центре сада была земляная горка – летом она была как клумба, засаженная цветами, зимой служила для катания на санках. Была у нас в саду и исполинка, или гигантские шаги, – любимое развлечение детей и взрослых. Но самое главное и приятное развлечение детей, да и взрослых – езда верхом на лошадях. На лошадях возили воду из Иртыша, ездили в тайгу за дровами, в кедровник за шишками, на базар и в гости. На масленицу по всему городу разъезжали ряженые в вывернутых мехом наружу шубах и полушубках, с размалеванными сажей лицами на разукрашенных разноцветными лентами лошадях. Были и такие оригиналы – вместо санок прицепляли к лошади стиральные корыта. Словом, все стремились, чтобы было весело и вызывало смех.

Вокруг тайга с глухарями, рябчиками, кедровыми шишками и много лошадей. Лошади были в каждом дворе Тары. На лошадях возили воду из Иртыша, так как водопровода в Таре не было. У нас было четыре лошади: полукровный рысак Молодой, на котором устраивались торжественные выезды, он же был непременно участником рысистских соревнований с наездником в лице моего отца; вороной жеребец Медведчик – водовоз; спокойный гнедой мерин Васька, на котором отец разъезжал по служебным делам по уезду. И еще Татарчонок – необъезженный конь.

В доме была детская комната, к ней при-мыкала комната няни (бонны). Смежная с детской была продолговатая, вдоль наруж-ной стены, столовая. За столом во время за-трака, обеда, ужина мы встречались с роди-телями, если не было гостей. При гостях нам было запрещено находиться за столом. Сто-ловая соединялась с гостиной – большой уг-ловой комнатой с пальмой. Из гостиной мож-но было попасть в кабинет отца с большой библиотекой. Еще была спальня родителей и кухня. Непременным блюдом у нас, как у всех сибиряков, были пельмени. Я очень лю-бил жареные пельмени. А отец, собираясь в очередную поездку по уезду, всегда с собой брал мешок мороженых пельменей.

Мой отец Щербаков Иван Федорович работал уездным агрономом, много ездил по уезду, встречался с разными людьми в том числе и с революционно настроенны-ми. В нашем доме укрывались от пресле-дования полиции. Дома у нас укрывалась одна большевичка, спасаясь от преследова-ния полиции. Я даже немного запомнил ее внешность. Была она коротко пострижена, что очень бросалось в глаза среди женщин того времени. За свою революционную дея-тельность отец даже подвергался домашне-му аресту. О своей революционной деятель-ности отец не любил говорить даже в семье. Дом был открытый для людей разного сосло-вия. Отец и мать, чем могли, помогали бед-ным, за что отец пользовался среди простых людей огромной популярностью, особенно среди крестьянства окрестных сел, где он неоднократно бывал во время своих поездок по уезду в качестве агронома.

Летом выезжали на дачу в Екатери-нинский завод, который находился на пра-вом берегу на пригорке. Пейзаж – как на картине Крамского «Лунная ночь».

Начиная с 1917 года, в Сибири начались тяжелые годы революции, партизанское дви-жение и белогвардейские банды во главе с атаманом Семеновым, Рубцовым и другими. До Тары революция докатилась в 1918–1919

годах, в это время к нам приезжала тетя Таня со своим мужем Борисом Шеньяном, офицером еще царской армии., они уезжали на Дальний Восток. Отец был комиссаром партизанского отряда. Вспоминаю эпизод: отца в доме не было, а нас разбудила артил-лерийская канонада со стороны Иртыша. От отца прискакал гонец за нами, так как ока-залось, на город наступали семеновцы или банда атамана Анненкова. Мать с детьми (я и две сестры), с кухаркой и бонной выехали из Тары на тарантасе ночью под свист пуль. Мы приехали в какую-то деревню, где уви-дели толпу вооруженных людей во главе с отцом. Нас поместили в какую-то избу, и мы уснули. Что было дальше, я не помню. Когда город освободили, мы вернулись домой. В городе утвердилась советская власть. Дом был разграблен, уведен конь Татарчонок, который через некоторое время вернулся из тайги с человеком, которого он протащил по тайге. Это оказался казацкий урядник. Мы переехали в Омск. В Москву вернулись в 1920–21 году.

Брат отца Николай Федорович жил со своей женой Верой Сергеевной (Кашириной) в доме напротив нашего, под № 19 (бывший дом Рахманова) на втором этаже и занимал одну большую комнату. По профессии он был инженер-мелиоратор. Дядя Коля был очень привлекательным мужчиной: строй-ный, выше среднего роста, с безупречной офицерской выправкой, сероглазый, с очаро-вательной улыбкой. Меня учил ходить пря-мо, называя сибирским медвежонком: ставил на плечи по стакану воды, и надо было прой-ти, не расплескав. Так учили (он говорил) в царской армии. Был участником войны 1914 года. Под стать ему была и тетя Вера.

В 1937 году он был арестован, осужден по делу «промпартии» и сослан в Карелию, в местечко Медвежья гора, участвовал в строительстве Беломорско-Балтийского ка-нала. Через несколько лет был реабили-тирован. Умер он вскоре после Великой Отече-ственной войны.

Тетя Таня (Татьяна Федоровна), по мужу Шеньян, была поздним ребенком и самой любимой у родителей. В 16 лет тетя Таня вышла замуж за финского подданного, служащего в царской армии в инженерных частях. Революцию он не принял и, отобрав у матери малолетнюю дочь Нину, уехал в Китай. Тетя Таня осталась на родине, но без дочери, которую впоследствии долго и безрезультатно искала. *В советское время Татьяна Федоровна преподавала в одной деревенской школе Тамбовской области* (курсивом уточнение Щербаковой Г. Н.)

Дедушка и бабушка Алексеевы – московские купцы конца IX – начала XX века. Дедушка Николай Иванович (одиннадцатый или двенадцатый по счету в семье своих родителей) был человеком хозяйственным и предприимчивым. Имел в своем доме булочную-кондитерскую с пекарней. Сам прекрасно владел искусством хлебопечения, поэтому большую часть времени проводил в пекарне. Он был стройный, подвижный, роста выше среднего, жгучий брюнет с пышными усами и красивой шевелюрой. Первоначально дом был двухэтажный, потом надстроен до трехэтажного, надстраивал его дед своими руками.

Бабушка Мария Васильевна (Озерова) всегда была стройна, подтянута, носила плотно облегающий фигуру корсет. Русые ее волосы всегда были тщательно уложены в прическу с большим пучком на темени посередине. Ходила неторопливо, важно, как королева. Была строгой хозяйкой. Дома любила чистоту и порядок, все ей подчинялись беспрекословно.

Детей было трое: старшая Евгения, моя мать (Александра Николаевна) и младшая Надежда – живая радостная блондинка с голубыми глазами, любимица бабушки, увлекающаяся натура, театралка, немного занималась балетом.